Идея этого интервью была во многом спонтанной, но далеко не спонтанны проблемы, которые мы с главным редактором всероссийско-нижегородского журнала «Арина» затрагиваем. Эти проблемы назрели давно, кое-какие уже даже и перезрели. И проговаривать их писатели должны, если статус и состояние литературы для них — не звук пустой. Я благодарна Борису Селезнёву, что он живо откликнулся на мою идею побеседовать и поделиться своими размышлениями, касающимися не только литературного процесса Нижегородчины. Очень полифоничного и разновекторного, но при этом, надеюсь, осознающего свою общность, несмотря на различия писателей в возрасте, вероисповедании, идеологические, эстетические и прочие различия. Наша беседа — попытка поиска некоего литературного эквивалента. Что из этого получилось, судить читателям.

Диана Кан: Борис, давай все-таки начнем, как говорится, «за здравие», хотя понятно, что проблем в литературе любого региона сегодня предостаточно. Но, говоря в рифму: у «Арины» именины! А потому начнем с улыбкой и об улыбке! На Нижегородчине уже многие годы проводится всероссийский фестиваль «Русский смех», собирающий авторов иронических стихов со всей России и зарубежья. Я и сама неоднократно была представлена в издающемся по итогам каждого фестиваля альманахе «Русский смех», хотя, признаюсь, когда меня первый раз пригласили на фестиваль, была озадачена, поскольку как-то не считала себя никоим образом относящейся к ироническим поэтам. Но при пристальном рассмотрении написанного мною же вдруг, к удивлению своему, обнаружила и у себя иронические стихи. Ты бывал на этом фестивале? И вообще, какое у тебя как поэта и прозаика отношение к смеху? Не слишком ли мы много смеемся в наше время? И не имеет ли место быть ситуация, что мы смеемся, чтобы не заплакать? Как ты считаешь, в литературе иронизм уместен? Ведь ирония идет от недоверия к миру… При этом сразу оговорюсь,

что фестиваль «Русский смех» я считаю нужным и знаковым, ведь он во многом стал литературным брендом Нижегородчины.

Борис Селезнёв: В литературе, я думаю, всё уместно, если к месту, — и смех, и ирония, и сарказм. Всё как в жизни… Но когда меня пригласили первый раз на этот фестиваль, в душе была примерно такая же реакция, как у тебя. К ироническим поэтам я себя никогда не причислял, да и сейчас не причисляю. Хотя смех, ирония и даже в некотором роде сарказм мне вовсе не чужды. Думаю, что у любого настоящего стихотворца этого иронического «добра» всегда хватает. Побочный продукт, шлак — иными словами. Как при любом производстве. Раньше эти отходы заводы выбрасывали на свалку (поэты оставляли подобные стихи в альбомах), сейчас же всё идет в дело. Из отходов изготовляют, скажем, плитку и украшают ею наши улицы и рестораны. Теперь ведь всё можно купить и продать — рынок! И именно рыночное сознание способно принять «второстепенное» за «первостепенное». «Вторичное» за «первичное». То есть подмена ценностей на рынке — обычное дело. Раньше было не так. Да и сейчас, если пойдет серьезный разговор о том или ином поэте, всегда цитируется его лучшее, «первичное». У Пушкина, к примеру, выберут для большей убедительности его «Пророка», отнюдь не оглушительную в то время эпиграмму на Воронцова:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Не стоит объяснять, что в «Пророке» Пушкина выражено всё его существо, вся его жизнь. В то время как в эпиграмме (пусть и убийственно блистательной) выразился лишь порыв и досада поэта на отдельный эпизод его отношений с графом.

Диана, ты, конечно, помнишь, как на дымящихся еще развалинах Союза запузырились различного рода смеховые телевизионные шоу. Дело доходило до прямого издевательства над нашими святыми чувствами. Это было очень больно и неуместно, как неуместны были бы смех и пляски на похоронах. Но время не стоит на месте. Кстовский фестиваль «Русский смех» появился гораздо позже тех тяжелых и унизительных лет. И, насколько помнится, туда приглашались поэты не только иронической направленности. И читались, кстати, очень неплохие лирические и патриотические стихи. Я прекрасно помню Евгения Нефёдова,

замечательного поэта и человека, его жизнерадостную энергию, которую он полностью дарил зрителям и участникам. Никто бы даже не заподозрил, что он в тот заезд был смертельно болен. Но эту последнюю свою поездку он провел блестяще. Только 19 октября 2010 года поэт ушел от нас — не выдержало сердце. Теперь фестиваль обрел всероссийское звучание и носит имя Евгения Нефёдова. Конечно, всё это благодаря руководству, а в основном самим участникам, в число которых входят многие известные русские поэты, например Владимир Шемшученко, Александр Бобров, Владимир Скворцов и многие другие. Особую стать приобрел фестиваль с приходом выдающейся поэтессы нашего времени (моей собеседницы) Дианы Кан. Вот и получается, что, как говорится, «смех смехом», а содержание — серьезное. В силу этих причин соглашусь, что фестиваль стал «нужным и знаковым». Насчет же литературного бренда Нижегородчины — посмотрим, время покажет.

Диана Кан: Борис, и вот снова-таки о брендах, которых на Нижегородчине просто изобилие. Нижегородчина, по моим многолетним наблюдениям, совершенно особый край не только для Поволжья, но и для всей России. Я начала размышлять об этом с тех пор, как лет десять тому назад впервые побывала в богоспасаемом городе Сарове в марте 2006 года, когда прекрасная поэтесса и прозаик Любовь Петровна Ковшова (светлая память этой светлой женщине и талантливейшему словотворцу!) выступила инициатором проведения моего творческого вечера в Доме ученых Федерального ядерного центра. Я была поражена таким вроде бы странным слиянием науки физики с верой православной, и много потом размышляла над феноменом этого города… Тогда же встречалась с писателями Арзамаса, в частности с замечательным поэтом-фронтовиком Александром Ивановичем Плотниковым (тоже, увы, покойным). Потом словно Бог мне постарался открыть Нижегородчину с другой стороны, меня пригласили первый раз на Всероссийский Пушкинский литературный праздник в Болдино. Потом был в моей литературной судьбе семинар в нижегородской Выксе с заездом в Нижний Новгород. В общем, повидала Нижегородчину самую разную. Всегда восхищалась ее чудесной природой и ее совершенно по-особому душевными людьми вообще и поэтами в частности — к сожалению, нет уже с нами замечательного поэта и человека Владимира Жильцова. Но, слава Богу, живы и активно работают Геннадий

Ёмкин, Валерий Сдобняков, Марина Зубова, Людмила Калинина, Наталья Колпакова, Владимир Решетников… Кого из знакомых не назвала, пусть не обижаются, просто не может же мой вопрос состоять из литературного именника! Каковы сейчас главные проблемы литературного процесса Нижегородчины? И одной из таких проблем обычно в любом регионе, за отсутствием внятной федеральной политики в области литературы, является успешность взаимодействия с властью на региональном уровне…

Борис Селезнёв: Согласен с тобой, Диана, что Нижний Новгород и его громадная область, равная по своим масштабам среднему европейскому государству, — это особый край как Поволжья, так и всей нашей необъятной Родины. Особенно это ощущаешь, когда вырываешься из стеклобетонных стен города на родные просторы. Именно здесь, а не где-то в красивой Сибири или в раздольных оренбургских степях, где служил в Советской армии (могу сравнить), я ощутил, насколько велика и прекрасна российская земля. Кстати, поездив по нашей области, ты имела шанс испытать подобное ощущение… Особенно когда автобус поднимается на горку — и взору открывается русская безбрежность с ее полями, лесами, реками и озерами. Вот тогда и дух захватывает от восторга! Со мной это происходит с детства и до сих пор. Невозможно привыкнуть. Это как в сказке или у Юрия Кузнецова: «*В окне земля российская мелькает, / Обочь несется, дальше проплывает, / А далее стоит из века в век…*» Помнишь? Понятно, что и люди здесь должны быть особенные. Не все, конечно. Ведь в городе и области (никак не могу привыкнуть, что у нас сейчас не область, а губерния) проживает около четырех миллионов человек, половина из них — горожане. Здесь хочется поубавить патетики, поскольку людей пишущих, включая членов всех нынешних нижегородских писательских организаций, едва ли наберется человек триста. А если уж по большому счету — и того меньше. Могли бы четыре-то миллиона трудящихся как-то поддержать эту несчастную горстку писателей? Думаю, что могли бы. Но нет. Никак не получается! И всё же вот эта горстка совершенно необеспеченных, вечно суетящихся, не всегда трезвых и как бы «не от мира сего» людей создает творческий градус, необходимый, как ни странно, для жизни. Не только для их жизни — для жизни всех. Есть такое словосочетание: «Душа общества». Так вот они (да-да!) и есть душа нижегородского четырехмиллионного общества. Лишиться их — значит лишиться души,

что смерти подобно. Жаль, что этого не понимают или не хотят понять нынешние «хозяева» жизни. Не на деньгах стоит жизнь, как они думают, а на любви!

Точно так же, как и богоспасаемый город Саров (в советские времена Арзамас-16) стоял и стоит на любви. Иначе давно бы его уже не стало. Удивительна, как и всё в России, сама судьба этого города. В давние времена это место спасалось молитвами иноков. Серафим Саровский любого попавшегося в лесу человека встречал словами: «Радость моя!..» А без великой Божественной любви такие слова не рождаются. В советские времена, не без молитв преподобного Серафима, город нес миссию «удерживающего» от ядерной катастрофы весь мир. Сегодня Саров — это некий синтез науки и святости, знак ядерной мощи нашего государства под крылом Божественной любви. Это один из форпостов России, как Севастополь, например. И, кстати, ощущение особости этих городов (кто побывал, знает) аналогично — это чувство благоговения и радости, как в храме перед алтарем. К слову, нашего общего друга и соратника, Ковшову, тоже ведь Любовью звали. Когда первый раз она пригласила меня провести творческий вечер в том самом легендарном Доме ученых, я был в восторге неописуемом! И всё действительно было как в сказке: «затерянный» среди дремучих лесов секретный городок, сумерки… и вдруг (перед концертом я вышел на улицу покурить) — весь в огнях главный вход Дома ученых! Одно за другим подъезжают такси, из которых выходят обворожительные дамы в длинных вечерних платьях. Сверкают кольца, браслеты, колье… Что это? Канны, Париж, Ницца?.. Или наша Златоглавая?.. Нет — это просто сказка. Это — Саров! На следующий день Гена Ёмкин на своем стареньком форде возил нас по святым местам. И как не хотелось уезжать оттуда! В равной степени и сейчас не очень хочется переходить от воспоминаний святых и радостных к нашим тяжелым и насущным литературным будням. Однако вопрос обязывает. Кстати, по большому счету ты на него уже ответила: «Каковы сейчас главные проблемы литературного процесса Нижегородчины? И одной из таких проблем обычно в любом регионе, за отсутствием внятной федеральной политики в области литературы, является успешность взаимодействия с властью на региональном уровне…» Мне здесь остается лишь слегка пояснить ситуацию.

На мой взгляд, самую страшную проблему в нашей литературе создал Ельцин в 1990-е годы, лишив государственного статуса все творческие союзы России. Они стали общественными организа-

циями наравне с клубами любителей пива, клубами рыболовов и охотников. Тогда под горячую руку в «мусорную корзину» полетели и многие стратегические КБ — там тоже ведь люди творческие работали. Сейчас в отношении армии и КБ, слава Богу, включен «реверс». Спохватились! Когда случится аналогичный «спохват» насчет писателей — одному Богу известно. На текущий момент интерес представителей государства к «инженерам человеческих душ» нулевой. Что же нам остается? Есть готовый ответ: «взаимодействие с властью на региональном уровне»… Но вот тут-то и начинается самое интересное! Оказывается, «взаимодействовать с властью», тем более «успешно», настоящие писатели совсем не умеют. Диана, я позволю себе это мудреное словечко «взаимодействие» немножко разъяснить? Хорошо? Ну, слава Богу! Это означает, как в народе говорят, «выпросить», «вытрясти», «достать». Чего достать? Денег, конечно! И совсем даже не на «заслуженный гонорар», а хотя бы только на издание книжки. Но дело не в этом. Всё дело в том, что и здесь напрашивается вопрос: «А кто быстрее денег достанет — жулик или мечтатель? Рыночный, шустрый бездарь или сочинитель не от мира сего? Да! Пусть второй талантлив, пусть пишет великолепно, но в рынок-то он не вписывается никак! А «шустрые» в этих рыночных отношениях — словно рыбы в воде. И мелькают везде. Да так, что к ним начинают уже привыкать как к настоящим писателям, так как оных за деловитым мельканием рыночных и вовсе не видно. Мало того, «шустрые» сбиваются в стаи и действуют уже сообща. Как точно о них писал (ими ох как не любимый!) Юрий Поликарпович Кузнецов: «*Что за племя на свет уродилось! / Не прогнать и собакой цепной. / Обделила их Божия милость, / Так желают урвать от земной!*» И урывают, Диана! Как еще урывают! На рынке-то у них все люди свои — на одном (рыночном) языке говорят. И понимают друг друга мгновенно. Лишь поэтому они так легко захватывают литературные конкурсы, премии, фестивали. Они, оказывается, всё давно уже поделили между собой на годы вперед. У нас вот засветился один такой разговор: «Так, где твоя книжка, за которую мы тебе премию дадим?» — «Да не написал еще». — «Так иди же скорей, пиши…» Как всё это назвать, Диана? Ведь это даже не плагиат, это даже не написано еще!.. А премия уже есть! И «литературный процесс» как бы идет. Почему «как бы»? Да потому что настоящий литпроцесс, который действительно у нас есть, движется параллельно, но его никто не видит, не слышит. И жив он только по милости Божией. Зато ка-

кой лютой ненавистью его представителей «любят» рыночные писатели! За что? Да за то, что не лезут никуда по головам, за то, что ведут себя достойно, да просто за то, что пишут талантливо! Их приглашают, для отвода глаз, конечно, где-то поучаствовать, где-то показаться, где-то стихи почитать... Политики и психологи они, стоит сказать, отменные. Но до своей «распределительной кухни», попользовавшись, чужого и наивного литератора они не допустят никогда. Таков вот мой взгляд, Диана, субъективный, конечно, на современный нижегородский литературный процесс. И думается мне, что Нижегородская губерния, со своими структурными и творческими особенностями этого процесса, далеко не одинока в России. Когда же наконец государство одумается и вновь возьмет творческие союзы под свое крыло, тогда вновь обретут свою актуальность и строчки Льва Озерова: «*Талантам надо помогать, / Бездарности пробьются сами*». Поскольку тогда будет куда нам идти и к кому с этими строчками обратиться.

Диана Кан: Если бы ты знал, Борис, как я с тобой согласна! Те же самые печальные раздумья и меня одолевают. Талант вообще в условиях рынка — заведомый неформат. Он не унифицирован, штучен. Неудобен он, да и небезопасен. И меня терзают смутные сомнения, что, пока федеральные верхи не вспомнят о неотменяемой значимости Слова (кстати, наиболее успешные наши — и не только наши! — правители это прекрасно понимали), региональная власть будет поддерживать писателей на местах не системно, а, скажем так, точечно. А ведь именно литература способна собрать и спаять такую разную — многонациональную и многоконфессиональную! — Россию воедино. При всем моем уважении ко всем основным конфессиям России они тем не менее Россию скорее разделяют. А вот наша великая соборная русская литература, которую в разные эпохи сотворяли этнические представители самых разных народов, и, кстати, не только России, представители, вошедшие в историю именно как русские словотворцы, — эта наша великая русская литература и есть самый главный наш Собор России. И хотя тот же Гаврила Державин татарин, но при этом он великий русский поэт, и ни один татарин с этим не поспорит, а вот гордиться вправе! Это как с Волгой, она в разных течениях разная, но и такая разная она — Волга.

Признаюсь тебе, что посмеивалась над нижегородскими коллегами, когда некоторые из них говорили, показывая мне Стрелку — впадение Оки в Волгу, мол, неизвестно еще, кто в кого

впадает, ведь в месте впадения Ока глубже Волги. Позже, к слову, я слышала от писателей Татарстана, что в месте слияния Камы и Волги Кама куда как пошире будет. Так и с писателями русскими, неважно, что Даль этнический датчанин. Он «по национальности» — русский писатель. Ну, и уж коль скоро речь зашла о реках, то самое время вспомнить об истоках журнала «Арина», который в скором времени отметит свой юбилей! Как начинался журнал, который по вполне понятным соображениям был назван в честь няни Пушкина, которому именно Нижегородчина подарила самые заветные часы вдохновения в Болдино?

Борис Селезнёв: О! Это была воистину судьбоносная история, где (мной почитаемый) принцип детерминизма проявился очень ярко и показательно. Однажды, когда я еще работал редактором газеты «Православное слово», со своими коллегами мы решили поехать на юг. И не просто, как все люди, поехать на поезде, а на машине. И не просто на машине, а на очень старой машине. Когда мы ее (машину) показали в автомастерской и поделились своими планами, механики переглянулись, усмехнулись и покрутили пальцем у виска. Причем одновременно. Следом прозвучало «отеческое» напутствие, которое заключалось в следующем: если мы такие упертые и все-таки решимся ехать на ней, если каким-то чудом доедем до Москвы, мы категорически должны ее там (в Москве) бросить и дальше двигаться на поезде. Потому что желаемый подвиг, который светился в наших глазах, уже будет совершен. Естественно, мы, по молодецкой глупости своей, не вняли «отцам» и поехали в Крым на машине! И правильно сделали, поскольку приключения, которые она нам доставила, прямо повлияли на сам факт рождения «Арины». Между тем, залив полный бак 92-го бензина, на предельной скорости мы уже подъезжали к Москве. Конечно же, мы ее там не бросили, а чтобы и вовсе не было такого искушения, объехали столицу по кольцевой. И — видимо, в благодарность за проявленное к нашей «ладушке» милосердие — она работала все лучше и лучше, а в Туле и вовсе обрела второе дыхание и полетела стрелой! В чем был секрет? Секрет был, но о нем позже… Кстати, это были «веселые» бандитские девяностые годы, и вдоль дорог везде бросались в глаза растянутые громадные полотнища: «Водитель! Не останавливайся! Вставай только в месте обзора ГАИ!» Информация эта нас как-то не очень огорчала, вставали мы где хотели, наслаждаясь отдыхом

и природой. Однако поближе к ночи стали искать глазами по пути какой-нибудь мотель или кемпинг, коих на данном отрезке пути не попадалось ни одного.

Вот в сумерках обнадеживающе замаячил пункт ГАИ, куда мы и причалили, наивно полагая мирно заночевать под крылышком государственной службы. «Вы чего тут встали»? — словно черт из табакерки, выпрыгнул из стеклянного стакана-будки гаишник. «Да мы…» — «Валите, валите отсюдова! Не мешайте работать!» Вот тебе и обзор, вот тебе и защита! Правда, километров через десять нам попался мотель — угрюмое двухэтажное здание с площадкой для стоянки машин. Но мускулистые спортивные ребята на «ресепшене» так шпарили «по фене» и так были похожи на самих бандитов, что насмерть перепугали наших девчонок, и мы покатились дальше. Впрочем, нет худа без добра — гласит русская поговорка. Решив ехать без остановки всю ночь, все как-то успокоились и стали петь песни, чтобы не уснул за рулем водитель. Это было лично мое изобретение, поскольку водителем-то я и был. Так, почти незаметно, во мраке ночном мы докатились до Фатежа. Это была ровно половина пути, и нам там здорово повезло. Совершенно неожиданно попалась деревянная полупустая гостиница, где были еще советские цены и просторные номера. Видно, всё затопляющая волна демократии еще не докатилась тогда до сего благословенного места. А что место было везучее и благословенное, говорило само название городка — Фатеж. Этимология этого слова приведет нас в старорусские времена, когда Екатерина Великая поймала здесь ежа. Да-да! И получилось: «хвать ёж», то есть со временем Фатеж. Русский человек всё любит сокращать, вплоть до своей жизни… Но мы уже ничего сокращать не хотели и, хорошенько выспавшись, на следующий день рванули к своей цели. Конечно, не забыли поблагодарить и Екатерину в молитвах своих за открытие такого волшебного места.

Дальше не буду злоупотреблять спецификой жанра, вниманием читателя и твоим ангельским терпением, милая Диана. Когда-нибудь, Бог даст, я напишу об этой поездке повесть, она стоит того. Но сейчас постараюсь быть кратким, дабы ответить на твой вопрос. Доехав до Симферополя и расцеловав свою ласточку, мы настолько поверили в нее, что, преодолев сказочный перевал, объехали все побережье и побывали в Алупке, Херсонесе и Севастополе. Упоминаю только знаковые приморские города. В Алупке мы познакомились с московским поэтом и священником Владимиром Казаковым (служил в храме) и по-

этессой Татьяной Шороховой, с которыми очень подружились. Татьяна тогда занимала пост ответственного секретаря газеты «Православная Таврида», я был редактором нижегородского «Православного слова», ясно, что поговорить было о чем. Тем паче мы нашли друг в друге единомышленников не только по «газетной кухне». Однажды она спросила меня, как и чем наш Союз писателей готовится встретить великую дату — 2000-летие христианства? И, посмотрев в мои изумленные глаза, к позору моему, поняла, что ничем! На мой ответный вопрос («А вы?») она поведала, что готовит целый ряд мероприятий, а самое главное — выпуск альманаха, посвященного этому великому празднику. Вот тут я и загорелся! И этот разговор можно считать точкой отсчета новой издательской эпопеи Нижнего Новгорода.

Обратная дорога всегда короче — гласит народная мудрость, тем более когда водитель окрылен такой вдохновляющей идеей! Но пришло время чуток притормозить и сказать обещанное слово о секрете безотказного полета нашей «ласточки-лады». «Автотехнические отцы», конечно же, с высоты своих знаний и опыта, наверное, где-то были и правы, советуя не надеяться на старенькую «шестерку». Но они, видимо, не знали другого, самого главного — какое может сотворить чудо великая сила молитвы. И чудо — реальное чудо — произошло. Мы сразу же после технического вердикта договорились, что будем каждый день читать акафист Николаю Чудотворцу, так как знали, что при этом условии он нас не оставит и не даст поломаться нашей ласточке. Так оно и случилось. Ведь каждый день у нас в салоне машины звучали святые слова молитвы! А читали их, конечно же, наши прекрасные православные спутницы.

Прибыв в родной город и немного отдышавшись, я полетел в наш Союз писателей вдохновлять тогдашнее руководство на издание сборника, посвященного 2000-летию христианства, чем оно (руководство) совсем никак не вдохновилось. Однако в самом конце разговора снизошло до слов, что, мол, вы молодые — вам и карты в руки: создавайте актив, доставайте деньги — и вперед! Ну, на большее-то я и не рассчитывал. Кстати, когда всё, после долгих мытарств и волнений, удалось, руководство, несмотря на свою атеистическую позицию, не отказалось напечататься в этом сборнике. Актив утвердили на нашем солнечном Откосе бутылочкой светлого вина. В него вошли Валерий Сдобняков, Александр Высоцкий, Павел Климешов и я. Конечно, даже в таких маленьких активах есть свои лидеры, которым «больше всех надо», то есть

берут всю нагрузку на себя и тащат в основном весь воз. Сейчас Валерий Сдобняков председатель нашей писательской организации и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Нетрудно догадаться, что он и тогда потащил за собой весь актив, весь сборник. «Светлое Воскресенье», так назвали издание, удалось на славу! Но после его выхода и первых восторгов перед новоиспеченными издателями встал закономерный вопрос: «А дальше что?» Подобные праздники случаются раз в тысячу лет. Ждать столько времени никто не хотел. Так появился периодический (тогда еще альманах) «Вертикаль». Главный редактор — Валерий Сдобняков, в редсовете: поэт Борис Селезнёв — ответственный секретарь, заместитель главного редактора; поэт Алексей Коломиец; поэт, священник Владимир Гофман. Уже тогда заметно изменился актив. А через год напряженной работы возникла необходимость в приложении. В издании явно не хватало места для бурно растущей тогда поэзии. Так родилась «Арина», которая через год уже (дети растут быстро) обрела самостоятельность. Сейчас нетрудно проследить причинно-следственную цепочку: симферопольский альманах Татьяны Шороховой «И праздник Рождества, и праздник Воскресенья» родил идею издания нижегородского «Светлого Воскресенья», которое побудило писателей к изданию периодической «Вертикали». «Вертикаль» не оказалась бесплодной, и в свою очередь родила «Арину»… Вот такая история. Кстати, уже несколько лет у альманаха «Арина» есть свое приложение — журнал «Голгофа». Такой у нас получается подлинный, некрикливый литературный процесс, где всё связано и первый толчок которому дала такая светлая и дорогая каждому русскому человеку дата — 2000-летие христианства.

Диана Кан: Борис, раз уж ты пообещал, что напишешь про ваше таврическое путешествие повесть, то имей в виду, буду следить и ждать. Собственно, то, что ты рассказал сейчас, это уже практически готовое повествование, которое надо доработать. Так ты описал попутно «романтический дух» лихих девяностых! На фоне этого еще более антитезно выглядит православная составляющая будущей повести. Как говорится, не замай уже почти готовую повесть, Борис! Ты вот сейчас журналы нижегородские называешь, словно имена давних моих друзей. С журналами Нижегородчины всегда с удовольствием сотрудничаю. Ну, а уж журнал «Арина» вовсе мне практически родной, «Арина» была одним из первых изданий, где мне было предложено стать чле-

ном редколлегии, это для меня большая честь… Расскажи, пожалуйста, и о других членах редколлегии!

Борис Селезнёв: О добрых друзьях рассказывать всегда приятно. Особенно когда это соратники, братья и сестры по духу. «*Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную*», — сказал апостол Павел. Ничего случайного не бывает в этом мире. И «случайные друзья» не друзья. Когда одно высокое духовное устремление связывает людей, когда они любят одно — это уже не друзья, а братья. Братья по духу. И здесь совсем необязательно находиться близко друг от друга географически. Дух дышит — где хочет. Здесь главное — родство душ. Помнишь? «*Душа грустит о небесах, / Она нездешних нив жилица…*» Вот если эта грусть, это стремление к небу переживается близким человеком, он тебе брат.

Марина Зубова, мой заместитель, живет в Сарове, в курсе всех дел. К тому же очень чистый, талантливый, бескомпромиссный человек. Ты ее прекрасно знаешь. Вот друг, в котором не сомневался никогда. Несколько раз буквально спасала выпуски «Арины» в плане сроков выпуска. К тому же, как и ты, постоянно направляет в альманах новых молодых одаренных авторов. О Валерии Сдобнякове я уже говорил выше. Здесь могу лишь добавить, что лидерство в хорошем понимании этого слова живет в нем, наверное, с самого рождения. Правдолюбец, непримирим к любому проявлению лжи и предательства. Негодяю любого ранга и возраста может сказать в глаза всё, что о нем думает. Такие люди сейчас редкость. Крепко подружились с ним (хоть и знали друг друга давно) с самого первого актива альманаха «Светлое Воскресенье». Это был романтический период — самое начало… Мечты, надежды и планы. Мы могли часами бродить по Кулибинскому парку в мороз, дождь и снег и говорить, говорить… Делиться мучительными вопросами, что же будет дальше с Россией... У меня есть много стихов, посвященных своему соратнику и другу. Они рождались легко, как дыханье:

Солнышко да мороз…
Господи! Как хорошо.
Русые пряди волос
Не поседели еще.
Взлет удивленных бровей,
Чистая искра души.

Сказку российских кровей
Ты хоронить не спеши.
Стужа да снежная пыль,
Поле да вечная грусть.
Это пока еще — быль,
Это пока еще — Русь…

Со Светланой Супруновой мы познакомились в коварной паутине Интернета. Ее стихи мне сразу понравились пронзительной ясностью и чистотой. И только потом, когда составлялась подборка ее стихов, я узнал из авторской справки, что она прошла Афганистан, Таджикистан и Литературный институт им. А. М. Горького. Потом девять лет работала в калининградском издательстве «Янтарный сказ» старшим литературным редактором. Сейчас — начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Не буду перечислять ее регалии, награды и выпущенные книги. Было ясно, что такой человек просто необходим «Арине». Она представитель нашего издания в Калининграде. Александр Ломтев, прозаик, учредитель и главный редактор нескольких саровских газет («Саров», «Саровская пустынь» и других), много раз бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Косове. Во время кризиса был у стен Белого дома. Председатель Клуба главных редакторов региональных СМИ России. Совсем недавно подарил мне книжку своих стихов. Оказывается, всегда писал их. Живет в Сарове. Дружим давно. Дальше по списку редакционного совета идет выдающаяся поэтесса нашего времени и моя любовь Диана Кан. Думаю, что не хватит страниц в этом выпуске, чтобы выразить все мои чувства по отношению к ней! Скажу лишь то, что не видел более яркой звезды на нашем поэтическом небосклоне! Кроме шуток, это ведь действительно так! Есть одна лишь к ней просьба: ни в коем случае не удалять эти строчки из интервью. Геннадий Ёмкин, давний друг, соратник и брат по нашему поэтическому цеху. Диана, сама-то ты всё о нем знаешь, но мне же надо сказать. Когда-то и у нашего альманаха в материальном плане были хорошие времена. И мы даже учреждали литературную премию нашего издания. Так вот, именно Геннадий Ёмкин стал первым обладателем премии альманаха «Арина». И я очень рад, что мы все-таки успели это сделать! Более родного поэта по русскому духу мне трудно представить. Живет в Сарове. Далее нижегородец Александр

Высоцкий, известный нижегородский поэт. Друг и товарищ по многим областным литературным баталиям. Работал редактором издательства «Арабеск». Автор многих книг поэзии и прозы. Василий Гусев (Бабушкин-Сибиряк), еще один член редколлегии «Арины», родился и живет в Красноярском крае. Судьба связана с Ангарой, тайгой. Работал в лесном хозяйстве. Пишет и публикуется давно как в местных, так и в столичных изданиях. Человек слова и сибирской закалки. Терпеть не может вранья и приспособленчества. Подружились в «сетях». Делали вместе «сибирский» выпуск «Арины». Региональный представитель нашего издания в Красноярском крае. Живет в городе Назарове.

Ирина Новосельская — представитель «Арины» в Москве. Прекрасный, отзывчивый человек и друг. Как говорится, «дружим домами». Учились вместе в Литературном институте им. А. М. Горького на одном курсе. Работает в издательстве «Отчий дом». Иногда вместе бываем в Дивееве. Надежда Ефремова — представитель альманаха в Краснодарском крае. Знакомы и дружим еще с советского периода литературных объединений Нижнего Новгорода. Одаренная поэтесса и матушка, жена священника. Оттого и переехала из Нижнего Новгорода в Краснодарский край. Воспитывает пятерых детей и пишет стихи, думаю, что это подвиг — и для поэтессы, и для женщины! Татьяна Антипова, бессменный ответственный редактор по выпуску. Замечательный человек, товарищ и друг. Автор проникновенных стихотворений, участвует во всех поездках и мероприятиях нашего актива. Живет в Нижнем Новгороде. Евгения Орехова — наш корректор. Кроме основного поэтического таланта, обладает великолепным голосом, играет на гитаре. Душа общества и литературно-музыкальных творческих вечеров. Живет в Нижнем Новгороде. И конечно же — конечно же! — не могу не сказать о безвременно ушедшей от нас Любови Петровне Ковшовой. Бывший член редсовета «Арины», да что я говорю — «бывший», она и сейчас незримо в наших рядах! Главный редактор журнала «Нижегородская провинция», настоящий мастер слова. Мы крепко дружили с ней, хоть поначалу и спорили много. Человек кристальной честности и подлинного патриотизма, Любовь Ковшова терпеть не могла лукавство нынешних рыночных словоблудов, которые сами себя причислили к писательскому цеху. Когда разговор заходил о том или ином бумагомарателе, она тихо, но твердо произносила: «Да знать не знаю такого! Разве он еще и писатель?» Но при этом Люба была очень добрым

человеком, никогда не опускалась до злопыхательства и всё переводила в шутку. А сколько молодых одаренных людей она вывела на страницы толстых и престижных журналов! Конечно же, и «Арину» она не обходила стороной. «Мир праху ее», — говорят знакомые. А мы не устанем молиться: «Упокой, Господи, душу ее в обителях Твоих светлых! Царствия Небесного тебе, Люба!» О друзьях рассказывать всегда приятно, даже если они видимым образом сейчас не с нами.

Диана Кан: Конечно, за каждым качественным литературным изданием обязательно стоит слаженная команда единомышленников, причем, как в случае с Любовью Петровной Ковшовой, эти единомышленники остаются таковыми, даже уйдя в мир иной, и как бы становятся небесными представителями журнала. Спасибо, Борис, за твои слова обо мне, не вычеркнула, как видишь, хотя уже занесла было руку, но ты, видимо, предвидел это… Твое мнение очень приятно мне, ведь это мнение не только единомышленника, но и настоящего поэта и главного редактора, через которого проходит много талантливых рукописей. Да уж, «тяжела ты, шапка Мономаха». Но «шапка» главного редактора литературного журнала в наше время будет вряд ли легче. И хотя внешне и по содержанию журнал «Арина» выглядит отлично, но, наверное, поскольку лучшее — враг хорошего, главного редактора порой одолевают какие-то мечты по улучшению родного издания… Не мог бы ты, Борис, озвучить те из своих мечтаний о журнале, которые пока не стали планами, но уже обретают концептуальное наполнение?

Борис Селезнёв: Об одной светлой мечте я уже говорил выше — она касается нашего (и не только нашего) Союза писателей. Если мечта исполнится, то так или иначе это событие коснется и наших журналов. Подробно не буду, дабы не сглазить. Есть, конечно же, и другие мечтания. Но больше всего тяготит то положение, в которое нас загнал рынок. Сейчас мы просто вынуждены издавать альманах в основном за счет самих авторов. Помню, лет восемь назад к нам в редакцию приезжала поэтесса из Калифорнии, так там — она рассказывала — это обычное явление: издавать журнал на средства авторов. Тогда для меня это как-то дико прозвучало. Восемь лет назад найти спонсора для «Арины» не составляло особых проблем. Сейчас дело другое, и «американский вариант», похоже, у нас в действии. Однако для

нашей страны это ненормально. Нас всех с этим рынком поставили на голову, и, чтобы встать на ноги, нужна мощная поддержка.

Требуется прежде всего осознание такой вещи властями предержащими, что литература — это дело государственной важности! Это не шоу, не балаган, не базар. Это стратегическое поле деятельности, где идет война за души и судьбы людей. Громадные деньги вкладываются сейчас в спорт, в новые технологии, идут на вооружение армии… Но что из себя будет представлять «бездушный» спортсмен или солдат? Пустое место — в лучшем случае! Надо наконец убедить чиновников в том, что литература — это труд. И очень тяжелый труд, за который надо платить. Это рыболовам и охотникам, с кем нас несправедливо уравняли, за их развлечения платить не надо, а писателям надо! И не они должны оплачивать свою печатную площадь, а им за нее должны гонорары выдавать! Вот такие мечты, милая Диана… Конечно, было бы неплохо заиметь маленький «заводик» и на выручку не строить дворцы в Испании, а тихо-смирно издавать «Арину». А авторам бы еще и гонорары выплачивать! Вот было бы дело! Однако бизнес и художественное творчество никак не хотят дружить. Ведь деньги, чтобы их было много, надо любить. А любить Бога и мамону одновременно невозможно. О деталях и планах помельче не буду говорить — их очень много. И тут боюсь сглаза, а проще — хоть что-нибудь надо оставить в запасе. Должны же и у «Арины» быть свои маленькие секреты. Как ты думаешь?

Диана Кан: Ну, скорее не секреты, Борис, а некие «засадные полки», обнаруживать которые до времени не след! Вспомнилась пословица: «Нижний — Москве сосед ближний». Как ты оцениваешь близость Нижегородчины Московии — как писатель, как главный редактор, как гражданин? Не считаешь ли ты, что тот неизбежный «отток кадров», в том числе писательских, который неизбежно имеет место быть, ибо рядом притяжение московского мегаполиса, негативно сказывается на литпроцессе Нижегородчины? Или это своего рода «ротация кадров»?

Борис Селезнёв: Думаю, что сейчас проблемы «оттока кадров» в нижегородском литпроцессе при наличии Интернета просто не существует. Последний «могиканин» прозаик Женя Шишкин уехал из Нижнего в Москву еще при Горбачёве. Кажется, успел под занавес. До сих пор в журнале «Современник» работает. Сюда

приезжает иногда проветриться. После него из литераторов жить в столицу из нашего города не уезжал никто! Да вот по редсовету «Арины» посуди. В нем люди (и какие люди!) со всех концов нашей необъятной Родины. Но никакие расстояния не мешают нам работать слаженно. Можно даже сказать — безукоризненно. Да, наверное, и не нужны в столице особо мы, писатели российской провинции. Вот спецы «прямого контакта» нужны — футболисты, штангисты, дзюдоисты, бойцы в «боях без правил», которым, в общем, нет числа. Эти нужны. Тут и отток, и ротация. Тут и машины-лимузины, и жизнь красивая. Только нам-то этого всего не надо. Единственное, очень жаль, насколько я знаю, творческая молодежь у нас совсем не рвется, как прежде, в Москву поступать в Литературный институт. Этих ребят жаль. Я помню, только у нас на курсе в Московском литинституте пятеро нижегородцев учились. И это считалось в порядке вещей. Мы с другом на стареньком «Запорожце» по Москве гоняли. На занятия из знаменитой общаги, что на Добролюбова, со свистом на Тверской бульвар прилетали! Сейчас такую технику к Москве-то и близко бы не подпустили. Но тогда в общаге еще витал дух Николая Рубцова, а Юрий Кузнецов вел семинары на Высших литературных курсах. Чуть позже он начал набирать в свои группы из поступающих в институт молодых стихотворцев. Золотое для поэзии времечко было!

Диана Кан: Да, золотое! Я даже время «голодных лихих девяностых», когда училась на высших литкурсах Московского литинститута у Кузнецова, считаю золотым. И дело не в Москве! Я поехала конкретно учиться к Кузнецову. Если бы Юрий Поликарпович преподавал в ГПТУ города Урюпинска, я бы поехала туда. По мне, где профессор, там и университет! Главной достопримечательностью Москвы был для меня Кузнецов! Ну, кстати, о достопримечательностях! О тех, которые перерастают региональные границы. К примеру, в Оренбурге, где я сейчас проживаю, это оренбургский пуховый платок, Гагарин, который говорил, что Оренбург подарил ему крылья (Гагарин учился в знаменитой оренбургской «лётке»), восстание Емельяна Пугачева и, как следствие, приезд Пушкина в Оренбург за материалом по истории Пугачевского бунта. Также среди оренбургских достопримечательностей, вышедших на всероссийскую орбиту, можно назвать знаменитое соленое озеро Развал в Соль-Илецке и знаменитые соль-илецкие арбузы. Кажется, я еще забыла знаменитый мост через Урал, который соединяет Европу и Азию.

Нижегородчина — это, по моему глубокому убеждению, земля, где просто столпились такие всероссийские «фишки». Это у нас будет, как сказали бы дипломаты, обмен достопримечательностями. Начать с нижегородского города Сарова — «вотчины» преподобного Серафима Саровского, молитвенника Всея Руси. Далее знаменитое на весь мир пушкинское Болдино, «столица вдохновения России», как я его называю. Далее, Нижегородчина — родина одновременно двух церковных иерархов, по причине разногласий которых Россия фактически пережила первую революцию — церковный раскол. Причем, если не ошибаюсь, и патриарх Никон, и опальный протопоп Аввакум были односельчанами. А еще Нижегородчина — родина «кузькиной матери», как «любовно» назвал ядерную бомбу генсек Никита Хрущёв, стуча ботинком по трибуне Генассамблеи ООН. На Нижегородчине — знаменитое озеро Светлояр, на дне которого покоится легендарный град Китеж, символ непокорности завоевателям… Былинный богатырь, под конец жизни принявший монашество, Илья Муромец — уроженец нижегородского села Карачарова. Два православных символа семейной любви и верности, Пётр и Феврония Муромские, тоже нижегородцы… Борис, я ничего не забыла? Может, ты, как «идейный» нижегородец, дополнишь этот знаковый ряд достопримечательностей?

Борис Селезнёв: Знаковый ряд не грех дополнить. Прежде всего это сам основатель Нижнего Новгорода князь Георгий Всеволодович, третий сын великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Постоянно укреплял мощь русских земель. Был мудрым правителем и миротворцем. Сумел сделать так, что из двадцати военных походов кровопролитием закончились только три. Русской православной церковью Георгий причислен к лику святых, чего из русских князей, основателей городов, не удостаивался никто. Прославили Нижегородчину Козьма Минин и Дмитрий Пожарский, которые организовали всенародное ополчение и призвали дать отпор польским интервентам в 1612 году. Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении Патриаршего двора. По этой причине нижегородцы обратились за советом к своему духовному покровителю патриарху Гермогену. В сентябре 1611 года земским старостой в Нижнем Новгороде был избран Козьма Минин. Спустя некоторое время в город пришла грамота от патриарха Гермогена, в которой он призывал «встать за

веру»: как выяснилось, патриарх отказался поддержать московских бояр и тайно разослал грамоты с призывами формировать земское ополчение. Нижегородцы собрали для этого и немалые средства. Козьма Минин для ополчения отдал всё свое состояние. Ради спасения Отечества его примеру последовали и земляки. Существовало даже такого рода призвание Минина: «Если мы хотим помочь Московскому государству, то нам не жалеть имущества своего, да не только имущества своего, но не пожалеть дворы свои, продавать, и жён и детей закладывать». Возглавил народное войско Дмитрий Пожарский.

Сейчас 4 ноября в России отмечается День народного единства — всенародный праздник в честь победы над польскими захватчиками. Не зря этот день совпал с праздником прославления Казанской иконы Божией Матери. Случайностей не бывает на Руси. Ведь через двести лет именно Нижний Новгород в Отечественную войну 1812 года опять стал крупнейшим центром нового всенародного ополчения, принявшего участие в победоносном походе русской армии на Париж. Нижегородский край — один из самых больших и богатых в России. Основанный еще в XIII столетии, наш город стал как бы центральной осью, на основании которой формировалась самобытная Нижегородская земля. Стремительно развиваясь в самых разных направлениях и отраслях, наши земляки спасали Отечество, умножали его силу и славу в науке, искусстве, духовной сфере. Конечно же, в основе всего этого — краеугольным камнем, фундаментом — лежала наша православная вера и любовь к своей родине. Не зря же один из основных исторических документов русского Средневековья, Лаврентьевская летопись, была создана в Нижнем Новгороде монахом Лаврентием при поддержке правящего архиерея города Дионисия Суздальского, святого чудотворца и основателя Нижегородского Вознесенского Печёрского монастыря. Именно в составе Лаврентьевской летописи дошел до нас древнейший список «Повести временных лет» и сочинения Владимира Мономаха. Среди святых подвижников земли Нижегородской выделяется преподобный Макарий Желтоводский, Унженский чудотворец. В летописях сохранилось очень много примеров чудес, свершенных Макарием, в том числе исцеление молодого царя Михаила Федоровича. И конечно же, не могу не повторить названного тобой, Диана, имени Серафима Саровского — нашего духовного нижегородского солнышка… Да и не только нашего, если со всего мира слетаются паломники 1 августа, в День

памяти преподобного Серафима, в Дивеево. Еще одно солнышко, но уже литературное, озаряло своим творческим светом нашу Нижегородскую землю немного восточнее Сарова (всего 184 км), но в те же годы — Александр Пушкин! Два солнца сияли одновременно! Это ли не чудо?! Такое, право, только на Руси может свершиться!

Вот представь, иду я по деревне (занесло же в такую глухомань!) и вижу на крылечке девочку лет пяти. Сидит, всхлипывает и бормочет чего-то. Подошел я тихонько поближе и слышу: «Господи, не дай блохам выпить всю мою кровь!» Что же это такое, думаю… Словно в ответ на мои мысли, выходит молоденькая мамочка на крыльцо и говорит: «Слышали? Она у нас самая маленькая и самая жалостливая. Всё кошек бродячих жалеет — кормит, спать вместе с собой укладывает. Мы ее кровожадными блохами пугаем, она, конечно, боится их, а всё равно кошек жалеет. И всё равно тащит их кормить…» Ну, думаю, это ли не чудо? И если есть на земле нашей хотя бы одна такая добрая девочка, что страшных блох не побоялась (ведь могут выпить всю ее кровь!), а кошку, тварь Божию, от смерти голодной спасла, не погибнет святая Русь! Я в этой девочке всех наших великих подвижников, как в зеркале, увидел!

Вот глядит на меня выдающийся изобретатель Иван Петрович Кулибин… Невероятно талантливый человек. Механика, инженерное дело, часовой промысел, кораблестроение — все спорилось в умелых руках русского самоучки. Он имел успех и был приближен к императрице, а с 1769 года и на протяжении более 30 лет Кулибин заведовал механической мастерской Петербургской академии наук. Руководил производством станков, астрономических, физических и навигационных приборов и инструментов. Он никогда не курил табак, не пил и не играл в карты. Писал стихи и любил званые вечера, где всегда балагурил и шутил. Иван Петрович был три раза женат. В третий раз женился в 70-летнем возрасте, и третья жена родила ему трех дочерей. Всего у него было 12 детей (пять мальчиков и семь девочек), и всем им он дал прекрасное образование. Вот Павел Иванович Мельников-Печерский, крупнейший этнограф, писатель, историк, член-корреспондент Археологической комиссии. Автор известнейшей дилогии «В лесах» и «На горах». Николай Иванович Лобачевский — наш всемирно известный земляк, ученый-математик. Он заложил фундамент для совершенно нового направления — неевклидовой геометрии. Николай

Александрович Добролюбов — выдающийся литературный критик, писатель и публицист. Кстати, в самом начале своих литературных трудов он написал ряд статей на православную тему, где совсем не хулил нашу русскую веру. И конечно же, Алексей Максимович Горький — большой самобытный писатель. Его романтически-народное мировоззрение воплотило целую галерею народных образов. Без сомнения, Максим Горький — один из крупнейших мастеров художественного слова XX века в нашей стране. Композитор Милий Алексеевич Балакирев — дирижер и музыкально-общественный деятель. В начале 60-х годов XIX века собрал выдающихся мастеров страны в музыкальный кружок, получивший название «Могучая кучка». Петр Николаевич Нестеров — один из самых славных сынов Нижнего Новгорода. Отличный военный летчик, он внес неоценимый вклад в систему обучения высшему пилотажу. Именно он автор знаменитой «мертвой петли». Героически погиб в бою. Валерий Павлович Чкалов — Герой Советского Союза, летчик-испытатель. Его имя прославили беспосадочный перелет Москва — Петропавловск-Камчатский (1936 г.) и беспримерный подвиг: перелет из нашей столицы до канадского Ванкувера через Северный полюс в 1937 году. Евгений Александрович Евстигнеев — выдающийся актер широкого диапазона ролей. Любимец публики, безграничный талант. Огромное обаяние и яркая игра подчеркивают всю глубину личности Евгения Александровича. Все его роли точны, органичны и убедительны. Кстати, многие из декабристов (какое б ни было к ним отношение) были так или иначе связаны с Нижегородчиной: Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, Александр Александрович и Николай Александрович Крюковы, Сергей Петрович Трубецкой, Николай Васильевич Шереметьев, Василий Иванович Белавин, Федор Петрович Шаховской, Александр Николаевич Муравьёв. А Иван Александрович Анненков похоронен у нас, на Бугровском кладбище. К слову, о нем можно чуток подробнее сказать: его головокружительный роман с модисткой Полиной Гёбль и их дальнейшие «приключения» в Сибири послужили, как всем известно, основой для сочинения Александра Дюма «Учитель фехтования». А немного позднее режиссер Владимир Мотыль использовал эту сюжетную линию в романтическом фильме «Звезда пленительного счастья» с неподражаемым Костолевским. После амнистии 1856 года судьбы Ивана Александровича и его верной подруги были неразрывно связаны с Нижним Новгородом, дворянство коего

пятикратно избирало экс-государственного преступника своим предводителем. Кроме того, он состоял в комитете по улучшению быта крестьян, исправлял обязанности почетного мирового судьи, а в 1865–1868 годах был председателем Нижегородской земской управы. Вот, оказывается, дорогая Диана, каким хорошим и полезным человеком может быть бывший возмутитель спокойствия, если ему разок только показать Сибирь. Шучу, конечно.

Диана Кан: Да какие уж тут шутки, Борис! Побывавший в сибирской тюрьме Достоевский не озлился, а сказал: «Русскому человеку нужна каторга!» Впрочем, ассоциаций с каторгой у русского человека, веками приученного выживать в условиях, близких к экстремальным, недостатка нет…

Борис Селезнёв: Одно несомненно, любой человек может принести гораздо больше пользы Отечеству, когда работает не на подрыв вековых русских устоев, а на их укрепление в мирных целях. В середине XIX века очагами культурной жизни в городе традиционно были дома видных деятелей литературы и искусства: Владимира Ивановича Даля, Александра Дмитриевича Улыбышева, Александра Сергеевича Галицкого, Владимира Галактионовича Короленко, Фёдора Ивановича Шаляпина и других. Основоположники художественной и публицистической фотографии в России Андрей Осипович Карелин и Максим Петрович Дмитриев тоже жили и трудились в Нижнем Новгороде. Не будучи нижегородцами по рождению, они тоже прославили его делами своими. Никак нельзя тут обойти стороной наших писателей и поэтов. Яркой северной звездой в наших краях вспыхнул и погас семеновский поэт Борис Корнилов, обретший еще при недолгой жизни своей всероссийскую известность. По решению выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 февраля 1938 года он был расстрелян в тот же день в Ленинграде. Александр Люкин — в свое время ведущий поэт Поволжья, фронтовик, «рабочая косточка», писал настолько проникновенные стихи, что вызывал восторженные отклики корифеев. Дальше уже можно говорить о целом «нижегородском писательском гнезде», куда вошли такие имена, как Николай Кочин, Нил Бирюков, Михаил Шестериков, Павел Штатнов, Борис Пильник, Антон Бринский, Александр Плотников, Юрий Адрианов, Валентин Николаев, Виктор Кумакшев, Эльвира Бочкова и другие. В 1980–1990-е и последующие годы появляется

целый калейдоскоп имен: Александр Тюкаев, Сергей Карасёв, Валерий Сдобняков, Владимир Чугунов, Александр Высоцкий, Иван Борькин, Владимир Гофман, Геннадий Бедняев, Пётр Еремеев, Валерий Киселёв, Ирина Морозова, Александр Сизов, Алексей Коломиец, Мария Сухорукова, Нина Телешева, Евгений Шишкин, Борис Павлычев, Ольга Чайка, Ирина Дементьева, Владимир Жильцов, Геннадий Ёмкин, Марина Зубова, Валерий Карпочев и многие другие. И процесс этот не прекращается, по сей день. Дай-то Бог!

Диана Кан: Ну и не будем забывать в этом именнике Бориса Селезнёва — не только главного редактора замечательного журнала «Арина», а суверенную творческую личность. Я многие годы знала и любила тебя как поэта. Но вдруг поэт Селезнёв не просто заговорил о том, что надо бы написать повесть, а уже активно работает в жанре прозы. Не обижайся за вопрос, но как поэт поэта я просто обязана тебя спросить. Обязана, зная, как многие (да что многие? Все!) поэты снисходительно относятся к прозе. Мол, если я способен писать стихи, то не опущусь до «презренной прозы». Признаюсь тебе, что если мне еще пару лет назад задавали вопрос, мол, Диана, а не пытались ли Вы писать прозу, то я почти оскорблялась — какую прозу? Я не унижусь до нее. А вот сейчас как-то села и подумала, а не замахнуться ли мне на повесть? И аж сама испугалась! Как ты, поэт, опустился до презренной прозы? Или ты не считаешь ее презренной?

Борис Селезнёв: Милая Диана! Не устаю удивляться, как схожи наши мысли и «пути в неведомое»… Я точно так же несколько лет назад мог чуть ли не оскорбиться от такого вопроса. Ведь поэзия — это квинтэссенция, закваска и, наконец, зерно, из которого выросла вся литература! Да что литература! Всё искусство выросло из одного маленького, но проникновенного лирического стихотворения! Как можно изменить поэзии и перейти на прозу?! Это ведь шаг назад! Не правда ли? И, кстати, между прозаиками и поэтами всегда существовало некое неприятие, ирония, доходящая до прямого сарказма. Откуда бы это? Можно объяснить просто: поэзия — первична, проза — вторична. А кому хочется быть «вторичным»? Да никому! Вот отсюда и растут «ноги», мягко говоря, взаимного недоброжелательства прозаиков и поэтов! Но всё это только на первый взгляд. Многие великие писатели в начале своего пути сочиняли стихи, и непло-

хие. А некоторые совмещали до конца своей жизни и то и другое. Вспомним Пушкина, Лермонтова, Бунина, Набокова, Ходасевича, Пастернака. Отдельной фигурой возвышается Гоголь, у которого один ус плачет, а второй смеется. Но самое удивительное я обнаружил, что в качестве прозаиков все эти господа при случае не считали зазорным кольнуть поэтов. Отчего? Ведь сами же поэты! Здесь особая мистика, на мой взгляд. Если честно, когда я пишу прозу, меня тоже подмывает вывести этакий комический образ поэта. Один раз даже получилось — не скажу где. Но особое удовольствие для прозаиков заключается в том, чтобы создать такой «колоритный» поэтический персонаж, чтобы любому читателю тошно стало, не только смешно. В этом отношении особенно отличились (чего далеко ходить?) Михаил Булгаков со своим Иваном Бездомным и мой любимый Федор Михайлович — соответственно с «поэтом в душе» капитаном Лебядкиным.

Автор описывает Лебядкина как человека «колоритной и впечатляющей внешности… десяти вершков росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный». К тому же герой имеет «довольно хитрые глазки», усы и бакенбарды. В биографии Лебядкина много темных мест: он живет на деньги Ставрогина, шантажирует его, бьет сестру, занимается доносительством; называет себя капитаном, потерявшим руку во время Крымской войны, хотя обе руки у него на месте. Даже по сравнению со Смердяковым капитан ниже, поскольку ему совершенно неведомы угрызения совести. Влюбившись в Лизу Тушину, он пишет ей ужасающие своей тупой пошлостью стихи: «*Краса красот сломала член / И интересней вдвое стала…*» Или стихи о своих сердечных муках: «*Любви пылающей граната / Лопнула в груди Игната. / И вновь заплакал горькой мукой / По Севастополю безрукий*». Или вот еще часть его высказывания, обращенного к Варваре Петровне Ставрогиной: «…Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, — почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему, почему?»

Самый никчемный персонаж Достоевского, помимо воли автора, сейчас превращается как бы в действительно существующего поэта, его стихи цитируют как пример классической литературы. Нет бы цитировать обэриутов, которые во многом пошли от вымышленного Лебядкина, зато реальные поэты. Один только Заболоцкий чего стоит! Однако сила гения творит чудеса: когда он

изображает сумасшедшего, его персонаж тоже чуточку становится гением… Не зря же к творчеству капитана Лебядкина проявляли неподдельный интерес А. Блок, А. Ахматова, Н. Олейников.

Однако я, кажется, слишком увлекся как любимыми героями, так и взаимоотношениями прозаиков с поэтами. Но главное-то другое, это то, что поэты, начиная писать прозу, никогда не становятся прозаиками. Ведь если Господь вложил человеку в душу музыку, он будет музыкантом, если поэзию — поэтом, если прозу... И ты, милая моя любовь Диана, никогда не станешь прозаиком. Ты будешь, если захочешь, писать отличную прозу, но это будет не проза. Это будет поэзия. Помнишь, как Гоголь назвал свои «Мертвые души»?..

Диана Кан: Борис, остается только пожелать русской литературе вообще и нижегородской в частности скорее набирать крылатость гоголевской птицы-тройки, чтобы нести душу русскую неостановимо по России и за ее земные пределы. А всем сотрудникам, авторам и читателям замечательного журнала-юбиляра «Арина» — крепкого здоровья и дальнейшего творческого тонуса в этом нескончаемом полёте Русского Слова во славу и на благо России!